

РЕЦЕНЗИЯ
на выпускную квалификационную работу обучающегося СПбГУ
—Кашяпа Гаутама—
по теме «Индийская мифология в русской поэзии конца XIX — начала XX вв.»

Тема выпускной квалификационной работы Гаутама Кашяпа «Индийская мифология в русской поэзии конца XIX — начала XX вв.», без сомнения, относится к числу актуальных литературоведческих тем и представляет научный интерес для историков русской литературы, компаративистов, теоретиков литературы. Изучение влияния индийской культурной, философской, религиозной традиций на творчество русских писателей рубежа XIX–XX вв. началось в отечественной науке достаточно давно и активно продолжается в настоящее время (см., например, работы о поэзии К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Н. С. Гумилева, М. И. Цветаевой, Н. А. Клюева и мн. др.), однако общей научной концепции, описывающей специфику рецепции индийской культуры русской поэзией Серебряного века, до сих пор не существует, хотя тезис о том, что именно в это время русская литература с исключительной интенсивностью осваивает культурное наследие Востока, давно стал общим местом литературоведческих работ и не вызывает сомнений. Выбранная тема ставит в центр внимания вопрос о влиянии индийской **мифологии** на творчество русских авторов. Заявленный предмет анализа — специфика рецепции мифологической традиции — не вызывает возражений, поскольку большой творческий интерес к различным мифологическим системам является характерной чертой поэтов выбранной эпохи.

Между тем содержание рецензируемой работы не соответствует заявленной теме. В работе отсутствует историографический обзор литературоведческих изданий, позволяющий выявить лакуны, существующие в описании рецепции индийской мифологии русскими поэтами конца XIX — начала XX века, обосновать актуальность исследования, определить, в чем заключается его новизна. Библиографический список также свидетельствует о недостаточном уровне изучения истории вопроса — литературоведческих работ, непосредственно посвященных исследованию влияния индийской культурной традиции на русскую литературу, в нем крайне мало (№ 5, 6, 7, 10, 33, 34, 41). Во введении сказано: «**Научная новизна** исследования заключается в том, что в работе представлен новый взгляд на особенности отражения индийских мотивов в творчестве поэтов Серебряного века — с позиции представителя индийской культуры. Для анализа привлекается обширный пласт аутентичного материала древнеиндийских текстов, что определяет специфику направления исследования — от “сферы-донора” (индийской культуры) к сфере-реципиенту (русской поэтической культуре)» (С. 5–6)¹. Однако в списке использованной и цитированной литературы указано лишь одно (!) издание на хинди — общая работа по культурологии и философии (№ 44 — в переводе на русский язык: *Рамдхари Сингх Динкар*. Культура, язык и нация (2008)). Нет оснований утверждать, что в ходе подготовки работы Гаутомом Кашяпом использовались научные и профессионально подготовленные, авторитетные справочные издания на хинди, профессионально подготовленные издания индийских мифологических текстов. Показательно, что в параграфах, специально посвященных анализу стихотворных произведений русских поэтов рубежа XIX–XX вв., ссылки на мифологические источники, научную и справочную литературу на хинди отсутствуют.

Выбор **материала** исследования вызывает серьезные возражения. Во-первых, вопреки заявленной теме, предполагающей исследование творчества ряда авторов, в работе учитываются тексты только двух поэтов — К. Д. Бальмонта и Н. С. Гумилева: «Работа опирается на анализ поэзии К. Д. Бальмонта и Н. С. Гумилёва как одних из наиболее ярких поэтов, в произведениях которых присутствуют мотивы индийской

---

¹ Работа загружена в «Blackboard» в формате Word. Номера страниц приводятся по тому варианту текста, который создается при сохранении этого файла на персональный компьютер.

мифологии» (С. 6). Во-вторых, даже их творчество взято в недостаточном объеме: в ходе анализа рассматриваются единичные, произвольно выбранные тексты, причем рассматриваются они вне контекста творчества каждого из авторов, литературных направлений, к которым они принадлежат, вне контекста эпохи. Очевидно, что объем и характер выбранного материала исключает возможность корректного исследования заявленной темы.

Серьезным недостатком работы является и определение **предмета** исследования: он определен слишком общо, широко, без достаточной степени конкретизации, терминологически неточно. С одной стороны, во введении указано: «**Предметом исследования** является специфика образа Индии в русской поэзии конца XIX — начала XX веков» (С. 6); с другой стороны, здесь же заявлено, что задачей работы является «проанализировать работы К. Д. Бальмонта и Н. С. Гумилёва с позиции влияния на их творчество мотивов индийской мифологии» (С. 6); наконец, в заключении отмечено, что в работе «удалось <...> провести попытку систематизации индийских мотивов, относящихся к общей мифически-религиозно-философской направленности» (72). Иными словами, речь идет то об образе Индии, то об индийских мотивах — не только мифологических, но религиозных и философских. По сути дела речь идет об исследовании разных направлений влияния индийской традиции на русскую поэзию, каждое из них может составлять предмет серьезного специального научного исследования.

Задачи, сформулированные во введении, в основном нацелены на подготовку историографического обзора, на реферативное изложение общеизвестных фактов: «1) изучить понятия мифа и мифологии; 2) дать краткий обзор индийской мифологии и связанных с ней религиозных концепций; 3) описать специфику культурно-исторических связей России и Индии; 4) дать краткое описание эпохи Серебряного века в России» (С. 6). Этим задачам посвящена первая глава работы — «Мифопоэтическое пространство русской литературы конца XIX – начала XX века». Единственная исследовательская задача — «5) проанализировать работы К. Д. Бальмонта и Н. С. Гумилёва с позиции влияния на их творчество мотивов индийской мифологии» (С. 6) — решается во второй главе («Образы Индии в поэтических произведениях Серебряного века»).

Структура работы не может быть названа обоснованной, стройной и логичной, поскольку в ней непропорционально большое количество параграфов (7 из 9) посвящено пересказу общеизвестных фактов, на исследование стихотворных произведений нацелены лишь 2 параграфа, которые в сумме составляют менее 20 страниц текста.

В работе, выполненной по программе «Русская литература», не используется **ни один литературоведческий метод** исследования: автор ограничивается применением «таких методов, как: литературный обзор, литературный анализ, исторический и культурологический» (С. 6).

Выводы, полученные соискателем, не являются верифицируемыми, самостоятельными и не имеют научной ценности. Наиболее серьезными недостатками обзорных реферативных параграфов являются произвольность в выборе источников информации, недостаточный уровень знания фактов истории русской литературы, современных литературоведческих концепций. Для иллюстрации этого и следующих тезисов ограничимся лишь несколькими показательными примерами, которые легко можно множить:

На С. 29–39 модернизм, символизм и акмеизм в русской литературе характеризуются по единственному учебному изданию, содержащему основные положения «пропедевтического курса»: *Мескин В. А. История русской литературы: от Средневековья до эпохи модернизма (пропедевтический курс): учебник. М.: ИНФРА-М, 2022;*

На С. 9 общеизвестное утверждение о первобытном синкретизме сопровождается лишь одной ссылкой на работу 2011 г.: «Отсюда следует, что основой мифологического осмысления является недифференцированное восприятие мира, или так называемый *первобытный синкретизм*»; сноски: «Зыкова И. В. Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. Монография. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2011. С. 91»;

На С. 13–16 о религиозных индийских текстах рассказывается по англоязычному справочному изданию: «*Lochtefeld James The Illustrated Encyclopedia of Hinduism*. New York.: The Rosen Publishing Group, Inc. 2002»;

На С. 23 перспективность сравнительного изучения русской и индийской мифологии обосновывается не анализом работ по компаративистике, а личным опытом автора: «В такой ситуации, когда мы пытаемся понять многие древнеиндийские мифы, я считаю, что без понимания русской культуры и ее мифов будет непросто понять истину, стоящую за индийской мифологией ведического периода и его символической системой. Вдохновлённый опытом Рахула Санкритьяна, я также объездил множество деревень вдоль реки Волги, провёл множество бесед с представителями старшего поколения и выдвинул предположение о том, что связь между славянскими и индийскими мифами нуждается в специальном изучении».

Объективное изложение фактов, установленных учеными, неоднократно подменяется в работе собственными спорными оценочными суждениями автора, требующими развернутой аргументации, которая в работе отсутствует, например:

«Точнее рассматривать акмеизм как течение внутри символизма» (С. 37);

«Перейдём теперь к рассмотрению акмеизма. Так, принципы символизма — мистицизм, неясность, недосказанность, отрешённость от текущей действительности — ограничивали возможности творческой личности» (С. 37).

Крайне неудачными представляются параграфы второй главы, содержащие общий обзор творчества Бальмонта и Гумилева — «2.1. Особенности творчества К. Д. Бальмонта», «2.3. Особенности творчества Н. С. Гумилёва». Современное состояние изучения биографии и творческого наследия этих авторов не требует от автора исследования по истории русской литературы краткой справки о Бальмонте и Гумилеве. Однако Гаутам Кашьяп ставит перед собой эту задачу и не справляется с ней, приводя ряды случайных фактов. В частности, в параграфе 2.1 сказано: «Семья поэта переехала в город Шуя Ивановской области, когда пришло время учиться старшим сыновьям. Сам Бальмонт изначально был принят в подготовительный класс в гимназии в городе Шуя и учился довольно неплохо, но через некоторое время его результаты ухудшились» (С. 42); «впоследствии там был создан Литературно-краеведческий музей имени Константина Бальмонта, который существует и по сей день» (43); и т. д.

Самостоятельный литературоведческий **анализ** стихотворных произведений Бальмонта и Гумилева в рецензируемой работе отсутствует. Его подменяют общие оценочные суждения, краткие обобщающие замечания, самые общие характеристики тех фрагментов, в которых соискатель усматривает влияние индийской традиции, пересказ и цитация стихотворений, простое перечисление названий текстов. Приведем полностью, опустив лишь стихотворные цитаты, раздел «Будда и буддизм» в параграфе о Гумилеве:

«Как было изложено выше, у Н. Гумилёва имелся грандиозный замысел написать пьесу “Жизнь Будды”. В черновом варианте мы можем видеть относительно подробное описание происходящего в четырёх действиях — жизни Сидарты, впоследствии обретающего просветление, несущего учение, становящегося Буддой.

Однако образ Будды встречался и в других произведениях поэта. Например, это «Возвращение»: [далее следует цитата из стихотворения — О. Л.]

Также — «В этот мой благословенный вечер»: [далее следует цитата из стихотворения — О. Л.]» (С. 67–68). Как видно, анализ текстов в указанном разделе отсутствует.

Аналогичным образом комментируется и стихотворение Гумилева «Слово», которое упоминается в разделе «Атман и Брахман»; несмотря на то, что в тексте без сомнения присутствуют христианские мотивы («И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово это Бог»), они никакого осмысления в работе не получают — в центре внимания без какой-либо аргументации оказываются образы Атмана и Брахмана: «В произведении Гумилёва “Слово” угадывается схожая идея. Слово обладает невиданным могуществом, оно способно практически всё: и останавливать Солнце, и ужасать звёзды, и умирять птиц — “Сказано, что слово это Бог”. Через слово мы получаем возможность познания; а через знание Атман стремится к Брахману» (С. 65). Подчеркнем, что приведенными словами анализ упомянутого гумилевского текста исчерпывается.

По тому же принципу в работе комментируются и стихотворения Бальмонта.

Спорным является и корпус рассмотренных в работе мотивов, восходящих к индийской традиции: «Панчабхута, Йони и Лингам, Брахман и Атман, Тримурти (Брахма (Брама), Вишну, Махеша (Рудра-Шива)), Майя, Карма, Будда и буддизм; отдельно рассматривается мотив Индии как некоего вынесенного пространства» (С. 72). По приведенному перечню видно, что анализ мотивов индийской мифологии, предусмотренный выбранной темой, в работе сведен к анализу нескольких мифологических персонажей.

Соискатель демонстрирует в рецензируемой работе достаточный уровень владения русским **языком**. Однако стилистические и речевые ошибки в тексте присутствуют, неоднократно нарушена логика изложения, некорректно используется литературоведческая терминология, то есть **научным стилем** речи автор текста владеет слабо. Приведем лишь несколько из многих показательных примеров:

«мифологические образы включены авторами в свои произведения» (С. 3);

«представлены рассуждения по поводу дальнейших исследований» (С. 7);

«В целом, некоторые буддические мотивы также можно рассматривать как средства достижения художественной выразительности» (С. 69);

«Анализ произведений К. Д. Бальмонта и Н. С. Гумилёва показал, что в работах этих авторов присутствует определённое влияние индийской культуры на их поэзию» (С. 71).

Оформление работы также вызывает нарекания. Небрежность присутствует, прежде всего, в оформлении сносок и библиографического списка. В основном тексте работы не всегда присутствуют ссылки на цитируемые источники (так, например, все цитаты из стихотворений Гумилева приводятся без ссылок на использованное издание). В списке использованной и цитируемой литературы не соблюдается алфавитный порядок перечисления изданий, непоследовательно используется курсив для выделения фамилий авторов и т. д.

Библиографический список содержит 56 изданий, среди которых нет базовых работ по сравнительному литературоведению, истории русской поэзии рубежа XIX–XX вв., поэтике символизма и акмеизма, творчеству Бальмонта и Гумилева.

Автоматическая компьютерная программа, встроенная в систему «Blackboard», выявила в рецензируемой работе 83,30 % «оригинального текста», 10,85 % «цитирований», 5,85 % «заимствований». Между тем эти результаты нельзя считать окончательными, поскольку программа опирается на базу научных исследований, тогда как в рецензируемой работе в качестве источников заимствований выступают разнообразные «ненаучные» интернет-ресурсы, в том числе, социальные сети. Так, фрагмент «Благодаря сборнику “Горящие здания” (1900), который занимает центральное место в творческой биографии поэта, Бальмонт приобрёл всероссийскую известность и стал одним из лидеров символизма, нового движения в русской литературе» (С. 44) заимствован с сайта vuzlit.com (дата обращения — 25.05.2022); фрагмент о Йони на С. 50 является результатом автоматического перевода англоязычной статьи Википедии о Йони (<https://en.wikipedia.org/wiki/Yoni>, дата обращения — 25.05.2022), характеристики акмеизма на С. 62 («самоценность отдельной вещи и каждого жизненного явления; предназначение искусства — в облагораживании человеческой природы; стремление к художественному преобразованию несовершенных жизненных явлений») заимствованы из русскоязычной статьи Википедии об акмеизме (<https://ru.wikipedia.org>, дата обращения — 25.05.2022).

Высказанные замечания позволяют заключить, что работа Гаутама Кашяпа не соответствует требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам магистрантов, не является научным исследованием и не заслуживает положительной оценки.

« 27 » мая 2022 г.

Лалетина Ольга Сергеевна,
к. филол. н.,
доцент кафедры истории русской литературы СПбГУ

СОГЛАСИЕ

на обработку персональных данных

Я, Лалетина Ольга Сергеевна,

(фамилия, имя, отчество рецензента)

даю согласие на обработку своих персональных данных оператору - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (далее - СПбГУ), 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, на следующих условиях:

1. Оператор осуществляет обработку персональных данных исключительно в связи с осуществлением рецензирования и проведения защиты выпускных квалификационных работ обучающихся СПбГУ в целях реализации принципа открытости образовательной деятельности.
2. Перечень персональных данных, передаваемых Оператору на обработку:
  - фамилия, имя, отчество;
  - место работы, должность;
  - ученая степень и звание (при наличии);
  - контактный телефон и адрес электронной почты.
3. Оператор имеет право на обработку персональных данных, то есть совершение, в том числе, следующих действий: обработку (включая сбор, систематизацию,

накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), использование, обезличивание, блокирование, уничтожение персональных данных.

4. Данным заявлением разрешаю считать общедоступными, в том числе выставлять в сети Интернет, следующие персональные данные: фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень и звание (при наличии).
5. Обработка персональных данных осуществляется оператором в соответствии с нормами Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и смешанным способом.
6. Срок действия данного Согласия не ограничен.

« 27 » мая 2022 г.

Лалетина Ольга Сергеевна